

Андрей Ворфоломеев

«КАКОЙ СУДЬБЫ... ТЫ ШИРОКО СИЯЕШЬ...»

(Поэтический мир Велимира Хлебникова)

Уже более века с нами нет удивительного и неповторимого русского поэта Виктора Владимировича (Велимира) Хлебникова. Но его стихи все так же завораживают и манят почитателей. Если рассматривать его творчество в целом, то нельзя не признать, что оно является ярчайшим образцом так называемого искусства элитариев (в противовес искусству пролетариев). В этом нет ничего зазорного. Кому-то нравится Хлебников и Платонов, кому-то — Есенин и Шолохов. Как говорится, дело вкуса. Плохо только, когда эти вкусы навязываются сверху. В советское время насаждалось искусство для пролетариев, сейчас, похоже, мы имеем дело с обратным процессом. Но все хорошо в меру. Сам я люблю Хлебникова и равнодушно отношусь к Есенину, однако, положив руку на сердце, нужно объективно констатировать тот факт, что в девяти случаях из десяти простой читатель предпочтет поэзию именно Есенина, а не Хлебникова. Поэмы, да и многие стихотворения «будетлянского короля» сложны, перегружены смысловыми конструкциями и зачастую трудны для понимания. Для их чтения нужно быть подготовленным.

В то же время стоит отметить, что в своем творчестве Хлебников всегда был предельно честен. В любых речевых экспериментах, будь то словотворчество или изобретение единого «звездного» языка, он старался опираться на некие закономерности. Голой, взятой из головы зауми вы у Председателя Земного шара не найдете. В этом, кстати говоря, коренное отличие Хлебникова от того же Алексея Крученых, решившего, например, что отныне лилия будет называться «еуы». Почему? А потому! Просто, захотелось. Нет, для Хлебникова подобное авторское видение, опирающееся только на сакраментальную фразу: «Я так считаю», абсолютно неприемлемо. Его статьи и декларации полны подробнейших рассуждений о том, что многие слова, начинающиеся на букву «Ч», имеют значение оболочки или вместилища чего-либо (чаша, чулок, челнок, чан), а слова, начинающиеся на «Л» — плоскости (лапа, лыжа, лодка) и так далее. То есть имеет место определенная система. Верна она или нет, это уже другой вопрос. Впрочем, судя по тому, что мы до сих пор говорим и пишем на русском языке, а не на заумном, скорее всего, в его рассуждениях можно сомневаться. Но это не может умалить под-

вижнического труда человека, посвятившего изучению данного вопроса большую часть своей жизни.

То же и со знаменитыми «Законами времени». Стало уже общим местом упоминание Хлебникова о падении государства (какого-либо, не обязательно России) именно в 1917 году, сделанное им в опубликованной за пять лет до революции брошюре «Учитель и ученик». Что это — предвидение, точный расчет или свойственное истинным гениям нечаянное озарение? Сказать сложно. В других своих статьях на самую различную тематику поэт тоже далеко заглянул в будущее, предсказав широкое применение стекла и металла в современной архитектуре, а также повсеместное распространение радио (и даже телевидения).

Ну и, наконец, нельзя не упомянуть о бесребреннической и полубродяжнической жизни Хлебникова. В чем-то она (вкупе с посмертной славой) напоминает судьбу великого голландского живописца Винсента Ван Гога, при жизни продавшего всего несколько полотен, а после смерти объявленного гением. И тот, и другой существовали только благодаря материальной поддержке родных. Они же да немногочисленные друзья сохранили и разрозненные архивы обоих. Хотел ли Хлебников себе подобной судьбы? Однозначно — нет. В лучшие годы он любил хорошо одеваться, посещал литературные салоны, да и вообще знал себе цену. Однако в жизнь его, как и в жизнь многих других соотечественников, властно вмешались великие социальные потрясения, охватив-

шие Россию в начале прошлого века — две войны (Мировая и гражданская), две революции, голод, болезни, разруха. Страна, казалось, лишилась всего и тронулась с места. Хлебников на этом фоне не выглядел каким-либо исключением.

Остается последний вопрос. Можно ли было спасти Хлебникова роковым летом 1922 года? Конечно, история не знает сослагательного наклонения. Да и Митурич завез больного поэта в такую новгородскую глушь, откуда и здоровому было бы выбраться проблематично. Особенно в то непростое время. И все же давайте пофантазируем. Вспомним, к кому обратились друзья Хлебникова с просьбой предоставить срочный эшелон для доставки Велимира в больницу? К тогдашнему Наркомвоенмору Льву Давидовичу Троцкому, к концу гражданской войны пребывавшему в зените своего могущества. А теперь вспомним, что случилось всего десять-пятнадцать лет спустя с подавляющим большинством его вольных или невольных сторонников. И если бы вдруг случилось чудо и Хлебникова удалось спасти, вывезти в Петроград, а затем и вылечить, то кто бы дал гарантию, что он впоследствии не оказался бы причислен к числу троцкистов и не разделил печальную участь многих из них? Как видно, гению на Руси положено жить мало...

Ночь, полная созвездий.

Какой судьбы, каких известий

Ты широко сияешь, книга?

Свободы или ига?

Какой прочесть мне должно жребий

На полночь широком небе?

